

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK226.pdf>

DOI: 10.15862/43FLSK226 (<https://doi.org/10.15862/43FLSK226>)

5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Власичева, В. В. Стратегии субъектности «маленького» героя в сказках Джулии Дональдсон / В. В. Власичева //

Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL:

<https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK226.pdf>. DOI: 10.15862/43FLSK226.

For citation:

Vlasicheva V.V. Strategies of subjectivity of the «little» hero in Julia Donaldson's fairy tales. *World of Science. Series:*

Sociology, Philology, Cultural Studies. 2026;17(2): 43FLSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK226.pdf>.

DOI: 10.15862/43FLSK226. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 821.111-93

Власичева Виктория Валерьевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», Казань, Росси

Доцент кафедры «Языкознания и иностранных языков»

Кандидат филологических наук

E-mail: intlooffice@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8045-3170>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=624010

Стратегии субъектности «маленького» героя в сказках Джулии Дональдсон

Аннотация. В статье исследуется переосмысление архетипа «маленького человека» в современной британской детской литературе на материале сказок Джулии Дональдсон. Целью исследования стало выявление и классификация стратегий репрезентации субъектности главных героев шести популярных сказок писателя (Gruffalo, Gruffalo's Child, The Snail and the Whale, Stick Man, Paper Doll, Tiddler). Теоретической основой исследования выступают отечественные и зарубежные концепции субъектности. В работе использованы методы контент-анализа сюжетных схем, типологической классификации, лингвостилистического анализа, синтеза. На основании критериев самостоятельности, активности и взаимодействия героев выделены три базовых типа субъектности: автономный, кооперативный и коллективный, а также переходные формы, сочетающие признаки нескольких типов.

В результате исследования установлено, что герои сказок Дональдсон преодолевают ограничения благодаря интеллекту, речевому воздействию, воображению, солидарности и способности к сотрудничеству. Выявлено, что субъектность персонажей конструируется не только на уровне сюжета, но и посредством языковых средств различных уровней (фонетико-ритмического, лексико-семантического и прагматического). Сделан вывод, что в произведениях Дональдсон происходит трансформация доминантных характеристик архетипа «маленького человека»: пассивность, социальная униженность, уязвимость уступают место агентности, коммуникативности и способности выстраивать социальные связи. Сказки Дональдсон предлагают модель, где физическая «малость» трактуется не как недостаток, а как ресурс и становится основанием для реализации субъектности.

Работа вносит вклад в изучение философского потенциала современной детской литературы и рецепции классических литературных архетипов в культуре постмодерна.

Ключевые слова: Британская литература; детская литература; Джулия Дональдсон; «маленький человек»; архетип; субъектность; нарративные стратегии

Введение

Архетип «маленького человека» занимает особое место в европейской и русской литературной традиции, воплощая трагедию незаметной личности, раздавленной государственной машиной, социальной иерархией или абсурдом бытия. В классической литературе «малость» осмыслялась как синоним социальной незначительности, пассивной жертвенности и экзистенциальной обреченности.

В современной детской литературе происходит переосмысление этого архетипа. Популярны во всем мире сказки британской писательницы Джулии Дональдсон (род. 1948) представляют собой репрезентативный материал для анализа этой трансформации. Ее протагонисты — физически небольшие и уязвимые существа — демонстрируют модели поведения, принципиально отличные от классического «маленького человека».

Сказки Дональдсон представлены в разных жанрах: баллада, одиссея, постмодернистская пародия, притча, мелодрама, хоррор и т. д. [1, с. 183]. Помимо исследований жанровой специфики [2; 3], творчество писателя, книги которой переведены на многие языки мира, привлекает внимание исследователей в аспекте теории перевода [4–6]. Новейшие исследования творчества Дональдсон выходят за рамки традиционного литературоведения. Так, М. Duckworth обращается к категории агентности и анализирует «Улитку и кита» с позиции нового материализма, показывая, как детская книга конструирует распределенные формы субъектности [7]. Однако целостного исследования, посвящённого анализу образов героев и выявлению философско-этической модели, лежащей в основе творчества писателя, до сих пор не предпринималось.

Цель исследования — определение философско-этической модели творчества Дж. Дональдсон через анализ стратегий репрезентации субъектности «маленького» героя в её сказочных произведениях.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Выявить сюжетные механизмы и нарративные стратегии конструирования образа «маленького» героя в шести сказках Дональдсон.
2. Классифицировать выделенные стратегии по критериям субъектности.
3. Сформулировать общий принцип, объединяющий выделенные типы.

Научная новизна работы заключается в системном применении категории субъектности к анализу детской литературы на материале сказок Дж. Дональдсон. В статье впервые предлагается типология стратегий репрезентации «маленького героя» как активного субъекта действия, что позволяет по-новому осмыслить педагогический и философский потенциал творчества писателя.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в курсах по зарубежной детской литературе, в практике литературоведческого анализа, а также в педагогической работе для формирования у детей активной и ответственной модели поведения.

Гипотеза исследования заключается в том, что творчество Джулии Дональдсон демонстрирует тенденцию к переосмыслению архетипа «маленького человека», переводя его из плоскости социальной критики в плоскость экзистенциально-этического утверждения.

«Малость» перестаёт быть недостатком и становится условием для проявления субъектности, основанной не на силе и доминировании, а на интеллекте, креативности, эмпатии и коммуникативной способности.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили оригинальные англоязычные тексты шести сказок Джулии Дональдсон: *The Gruffalo* (рус. «Груффало»), *The Gruffalo's Child* (рус. «Дочурка Груффало»), *The Snail and the Whale* (рус. «Улитка и Кит»), *Tiddler* (рус. «Тюлька»), *Stick Man* (рус. «Человеткин»), *Paper Dolls* (рус. «Бумажные куклы»). Далее для удобства мы используем русские названия текстов. Выбор произведений обусловлен тем, что они относятся к наиболее известным текстам писателя разных периодов творчества.

Теоретической основой работы выступает понятие субъектности как интегративного свойства личности, включающего социальность и уникальность [8, с. 49]. Как отмечает Дж. Стивенс, в детской литературе повествование конструирует субъектные позиции, которые занимают персонажи [9, с. 80]. Таким образом, субъектность является реляционным опытом взаимодействия между разными субъектами, в котором западные исследователи выделяют три уровня анализа: дискурс (речевые стратегии), историю (фабулу) и значимость (идеи, ценности и т. п.) [10, с. 56].

В российской традиции, опирающейся на работы С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского, субъектность трактуется как базовое качество личности, включающее активность, самостоятельность, предметно-практическую деятельность, саморефлексию и равноправное взаимодействие с другими субъектами [11, с. 13].

В настоящем исследовании применен синтез двух подходов: от западной традиции взято понимание субъектности как реляционного опыта выбора субъектных позиций; от российской — критерии активности (способность героя самостоятельно инициировать действие), самостоятельности (способность полагаться на собственные ресурсы) и взаимодействия с другими, адаптированные к материалу исследования.

Для перехода от теоретического уровня к анализу текстов критерии были операционализированы следующим образом:

- активность героя выявлялась через анализ глагольной лексики, императивных конструкций;
- самостоятельность определялась на основе речевых актов, в которых герой принимает решение без опоры на внешнюю помощь: прямое волеизъявление, отказ от предложений других персонажей, инициативное ведение диалога и контроль над нарративом (например, сочинение историй);
- - взаимодействие с другими анализировалось по трем типам маркеров: (1) формулы вежливости, в том числе иронические, позволяющие герою выстраивать диалог на равных с более сильным персонажем; (2) перформативные речевые акты, изменяющие ход событий (например, цитирование вымышленного чудовища как орудие власти); (3) лексемы совместности и местоимения множественного числа, маркирующие коллективные действия.

В работе использованы следующие методы: контент-анализ сюжетных схем (выделение статуса героя, типа препятствия, способа преодоления, наличия помощников); типологический (классификация стратегий поведения); элементы нарратологического анализа; лингвостилистический анализ, синтез.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа шести сказок Джулии Дональдсон были выделены три базовых типа субъектности «маленького» героя, различающиеся по способу преодоления препятствий, характеру активности и типу взаимодействия с другими персонажами. Отмечено, отдельные произведения демонстрируют переходные или гибридные формы, сочетающие признаки нескольких типов. Результаты систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Типология субъектности «маленького» героя в сказках Дж. Дональдсон

Сказка	Герой	Тип препятствия	Способ преодоления (стратегия)	Активность	Самостоятельность вклад в действие	Взаимодействие	Тип субъектности
Груффало; Дочурка Груффало	Мышонок	Хищники	Интеллект, языковое воздействие	Высокая	Высокая	Равное / манипулятивное	Автономный
Дочурка Груффало	Дочурка Груффало	Страх неизвестного	Исследовательское действие	Высокая (игнорирует запрет)	Высокая (действие вопреки)	Равное (диалог)	Автономный
Человеткин	Человеткин	Утрата дома и идентичности	Сохранение идентичности через настойчивость	Средняя → высокая	Средняя	От коммуникативных неудач к сотрудничеству	От автономного к кооперативному в финале
Улитка и кит	Улитка	Ограниченность возможностей	Альтруистическая стратегия: помощь Другому	Низкая → высокая	Низкая → высокая	От пассивной роли наблюдателя к равной коммуникации	Кооперативный
Бумажные куклы	Бумажные куклы	Угроза уничтожения	Коллективное сопротивление: держаться вместе, совместная память	Высокая коллективная	Коллективная (Зависимость от группы)	Совместное действие	Коллективный
Тюлька	Тюлька (рыбка)	Рыбачья сеть, потеря дома	Нарративное творчество, коллективная поддержка	Высокая	Средняя	Переход от индивидуального действия к коллективному	Гибридная модель (Автономный + коллективный)

Разработано автором

Рассмотрим типы субъектности и соответствующие им стратегии поведения героев.

Автономный тип представлен в сказках «Груффало», «Дочурка Груффало», в начале «Человеткина» и «Тюльки». Герой данного типа иницирует действие самостоятельно, полагаясь исключительно на внутренние ресурсы. В «Груффало» мышонок, физически уязвимый перед хищниками, не пытается вступить с ними в силовое противостояние; он использует язык как орудие власти, создавая вымышленное чудовище для запугивания противников. В «Дочурке Груффало» героиня преодолевает страх через исследовательское действие, игнорируя предупреждения отца, что маркирует ее субъектность через волевое целеполагание. Стратегия автономного типа — интеллектуальная (в активной форме) или сохранение идентичности (в пассивной форме, как у Человеткина — через сопротивление и отказ от навязываемых извне функций).

Кооперативный тип представлен в сказке «Улитка и кит». Это единственный случай в выборке, где субъектность реализуется через диадическую связку «малый — большой». Изначально улитка зависит от кита, однако в кульминационной сцене происходит инверсия:

улитка переходит к активному действию, спасая кита. Стратегия кооперативного типа — альтруистическая. Субъектность здесь проявляется не через индивидуальное выживание, а через спасение Другого. Герой становится агентом не для себя, а для того, кто сильнее, но оказался в беде.

Коллективный тип представлен в «Бумажных куклах» и частично — в «Тюльке». Субъектность здесь не принадлежит отдельному персонажу, а распределена между членами группы, которые справляются с препятствиями вместе. Групповая сплоченность и солидарность становятся стратегией субъектности данного типа. На лексическом уровне солидарность как стратегия субъектности маркируется через местоимения (*we, us* (букв. «мы, нас»)), союз *and* (перечисление имен персонажей), лексику совместности (*hand in hand* (букв. «рука об руку»), *together* (букв. «вместе»)). Несмотря на гибель персонажей, они сохраняются в памяти девочки, что для кукол означает продолжение существования.

Не все сказки можно отнести к одному типу субъектности. В частности, сказка «Тюлька» — пример гибридного (автономно-коллективного) типа. Как и Мышонок из автономного типа, Тюлька характеризуется высоким уровнем самостоятельности и активности: она сочиняет истории, которые нужны ей для идентификации своего места в обществе.

Когда Тюлька сталкивается с проблемой поиска дома, отражение ее творчества через коллективные действия морских жителей становится возможностью спасения. Ее истории — это форма культурной памяти, связывающей индивидуальное воображение с солидарностью сообщества. Таким образом, гибридный тип демонстрирует, что автономия и коллективность не исключают, а дополняют друг друга: индивидуальный творческий акт становится ресурсом для коллективного спасения.

Эта структура отличает Тюльку как от чисто автономного типа (Мышонок, который не нуждается в помощниках), так и от чисто коллективного (Бумажные куклы, чья субъектность распределена с самого начала). Тюлька переходит от «я» к «мы», от автономного творчества к коллективному действию.

Предложенная типология трёх типов субъектности — автономного, кооперативного и коллективного — позволяет перейти к вопросу о языковых механизмах, с помощью которых Дональдсон конструирует образ активного «маленького» героя. Оба уровня дополняют друг друга: сюжетная логика переосмысления «малости» подкрепляется и усиливается языковой логикой.

Лингвистические механизмы конструирования субъектности

Анализ оригинальных англоязычных текстов Дональдсон позволяет выделить три уровня языковой репрезентации субъектности «маленького» героя: фонетико-ритмический, лексико-семантический и прагматический.

Каждый уровень участвует в создании образа активного, самостоятельного героя, способного влиять на ход событий.

На фонетико-ритмическом уровне Дональдсон активно использует аллитерацию, ассонанс и ритмизацию для контрастного изображения уязвимости и силы, пассивности и агентности. В «Груффало» Мышонок описывает страшного хищника Груффало с помощью повторяющихся взрывных согласных [t], [k], [p], что формирует образ грубой, тяжёлой силы: *knobbly knees* (букв. «узловатые колени»), *terrible tusks* (букв. «ужасные клыки»), *terrible claws* (букв. «ужасные когти»), *turned-out toes* (букв. «вывернутые наружу пальцы»), *purple prickles* (букв. «лиловые колючки») [12, с. 10–12].

Ритмический рисунок служит маркером внутренней трансформации героя. В «Улитке и ките» начальный ритм, заданный рифмизацией дифтонга *ai*, передает статичность: This is a tale of a tiny snail / And a great big, grey-blue humpback whale (букв. «Это история о крошечной улитке / И огромном, серо-голубом ките-горбаче») [13, с. 3].

По мере развития сюжета ритм меняется. Шестистопный ритм, напоминающий биение волн, подчёркивает неторопливость путешествия: These are the caves / Beneath the waves, / Where colourful fish with feathery fins / And sharks with hideous toothy grins / Swam past the whale / And the snail on his tail (букв. «Это пещеры / Под волнами, / Где разноцветные рыбы с перистыми плавниками / И акулы с ужасными зубастыми улыбками / Проплывали мимо кита / И улитки на его хвосте») [13, с. 14].

В сцене, где кит попадает в беду, ритм ускоряется, становится отрывистым, насыщенным глаголами действия, что визуализирует переход улитки от пассивного наблюдения к активному действию: «Quick! Off the sand! Back to sea!» cried the snail (букв. «Быстрее! Прочь с песка! Назад в море!» — закричала улитка) [13, с. 22]. Таким образом, фонетико-ритмический уровень вносит свой вклад в развитие субъектности персонажа.

На лексико-семантическом уровне Джулия Дональдсон использует семантическое противопоставление большого и маленького. В «Улитке и ките» Улитка описывается с помощью эпитетов *tiny* (букв. «крошечный»), *terribly small* (букв. «ужасно маленький»), *frail* (букв. «хрупкий»), тогда как в описании Кита преобладают эпитеты с противоположным по смыслу значением (*great big* (букв. «огромный»), *immensely long* (букв. «чрезвычайно длинный»). В начале сказки инициатива принадлежит Киту, что выражается глаголами действия: он приплывает к Улитке, поет песни, предлагает ей путешествие вокруг света. В кульминации, когда кит беспомощно лежит на берегу, улитка переходит к активным действиям по его спасению (ср. глаголы, описывающие действия Улитки в начале повествования — *gaze* (букв. «смотреть / пристально глядеть»), *sniff* (букв. «нюхать/вдыхать»), *sigh* (букв. «вздыхать») (отсутствие движения) и в кульминации — *crawl* (букв. «ползти»), *leave the trail* (букв. «оставлять след»). Смещение инициативы и действия подчеркивают сюжетный перелом.

В сказке «Тюлька» рыбка-героиня последовательно описывается через лексику, связанную с обычностью и малостью: *plain grey scales* (букв. «обычная серая чешуя»), *he blew small bubbles* (букв. «он пускал маленькие пузырьки») [14, с. 5]. Её небылицы воспринимаются окружающими как глупые истории (*silly stories*) персонажа с развитым воображением (*big imagination*). Однако к концу сказки именно размер рыбки и её истории помогают выжить и найти дорогу домой. Лексическое поле «малости» переозначивается: из маркера уязвимости оно превращается в ресурс.

На прагматическом уровне субъектность героев Дональдсон утверждается через смену речевых стратегий и иллокутивную силу высказываний. Важнейшими механизмами являются:

- Перформативные речевые акты, реализуемые через императивные конструкции и модальные глаголы: слово автора обладает онтологической силой. В «Груффало» Мышонок при встрече с хищниками не просто описывает Груффало, а создаёт его словесно, используя категоричные утверждения: *A Gruffalo! Why, didn't you know?* (букв. «Груффало! Как, разве вы не знали?») [12, с. 7]. Такие фразы, как *His favourite food is roasted fox* (букв. «Его любимая еда — жареная лиса») [12, с. 9] не описывают реальность, а изменяют её: хищники убегают. Субъектность утверждается через способность говорить и быть услышанным. В «Дочурке Груффало» Мышонок применяет ту же стратегию: *«Wait!» said the Mouse. «Before you eat, There's a friend of mine that you ought to meet»* (букв. «Постой! — сказал Мышонок. — Прежде чем ты меня съешь, есть один мой друг, с которым тебе следует встретиться») [15, с. 22].

В «Улитке и ките» переход от мечтания к действию маркируется появлением первого речевого акта Улитки, в котором глагол действия выражает волеизъявление (I'll hitch a ride! (букв. «Я прокачусь»)) [13, с. 5]), а в сцене кульминации, пытаясь спасти Кита, героиня переходит к повелительному наклонению. Далее впервые в тексте появляется модальный глагол долженствования, подчеркивающий решимость героини: I must not fail (букв. «Я не должна подвести»)) [13, с. 22]. Надпись на школьной доске (Save the whale (букв. «Спасите кита»)) [13, с. 24]) представляет собой не робкую просьбу, а приказ-призыв, инициирующий социальную сеть спасения.

- Именование: знать имя или дать имя — значит установить контроль, создать связь, утвердить существование. Мышонок даёт имя Груффало — и чудовище «материализуется». В «Человеткине» рефрен (I'm Stick Man, I'm Stick Man, I'M STICK MAN, that's me! (букв. «Я Человеткин, я Человеткин, Я ЧЕЛОВЕТКИН, это я!»)) [16, с. 2]), также выделенный графическими средствами, становится языковым якорем идентичности. Пока герой может произнести своё имя, он существует и остается самим собой, сопротивляясь попыткам других определить его функцию. В «Бумажных куклах» перечисление имён закрепляет порванных кукол в памяти девочки, сохраняя субъектность вопреки физическому уничтожению [17, с. 17].

В кульминационных сценах субъектность маркируется на всех уровнях языка одновременно. Показателен пример «Quick! Off the sand! Back to sea!» cried the snail (букв. «Быстрее! Прочь с песка! Назад в море!» — закричала улитка) из «Улитки и кита» [13, с. 22], проанализированный в таблице 2.

Таблица 2

Пример многоуровневой языковой репрезентации субъектности

Уровень	Функция
Фонетический: взрывные звуки ([k], [t], [b])	Имитация срочности и решимости, акустический образ тревоги
Лексический: семантика движения (off, back)	Фокус смещен с описания на действие, возрастает интенсивность повествования
Синтаксический: три эллипсиса	Улитка переходит от роли наблюдателя к роли лидера
Прагматический: императив	Улитка не просит, а берет на себя ответственность за спасение кита

Разработано автором

Выделенные языковые механизмы коррелируют с тремя типами субъектности:

- автономный тип маркируется контролем над нарративом, ироническими формулами вежливости (Мышонок) и рефреном, сохраняющим идентичность (Человеткин);
- кооперативный тип (Улитка) маркируется переходом от просьбы к императиву, что отражает обретение самостоятельности через действие для Другого;
- коллективный тип маркируется лексемами совместности (*together*) и местоимениями множественного числа.

Таким образом, лингвистический анализ подтверждает, что Дональдсон конструирует субъектность «маленького» героя не только на уровне сюжета, но и на уровне языка, где фонетика, лексика и прагматика работают в единой системе, передопределяя «малость» как условие для проявления интеллекта, ответственности и солидарности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что Джулия Дональдсон создаёт модель «маленького героя», принципиально отличную от классического архетипа «маленького человека».

Вместо социально детерминированной жертвы обстоятельств, обреченной на страдания или гибель, писатель предлагает экзистенциально-активную модель: герой сам определяет себя через поступок, слово и отношение к Другому. Во всех проанализированных текстах герой достигает цели, что является принципиальным сюжетным отступлением от нормативного для классического архетипа трагического финала.

На основе трёх критериев (активности, самостоятельности и взаимодействия с другими персонажами) в работе выделены три типа субъектности «маленького» героя: автономный, кооперативный и коллективный. Выявленная типология демонстрирует вариативность стратегий поведения, объединённых общим принципом: «малость» перестаёт быть недостатком и становится основой для проявления субъектности, а также главным сюжетобразующим фактором.

Язык, память и воображение в текстах Дональдсон обладают онтологической силой. На фонетико-ритмическом, лексико-семантическом и прагматическом уровнях субъектность утверждается через способность говорить и быть услышанным. Герои Дональдсон используют язык как инструмент действия, изменяя мир своими высказываниями через перформативные речевые акты. Именно коммуникативные навыки становятся средством преодоления уязвимости.

Рассматривая творчество Джулии Дональдсон в этическом аспекте, отметим, что субъектность в рассмотренных сказках формируется через взаимодействие с другими (Улитка переходит к активности и самостоятельности в тот момент, когда спасает Кита; Человеткин возвращается к семье только после помощи Санте и т. д.). Дональдсон последовательно проводит мысль: «малость» — это не изоляция, а приглашение к этическому действию, к со-бытию с Другим. Субъектность здесь не автономна в индивидуалистическом смысле, а реляционна: она рождается в пространстве между героями, в диалоге, в совместном преодолении.

Трансформация «маленького» героя в сказках Дональдсон происходит по следующим траекториям:

1. Пассивность переходит в агентность — герой перестаёт быть объектом внешних сил и становится инициатором действия.
2. Молчание и интровертность противопоставляются вербализации — нарративное творчество, упорство и смекалка замещают физическую силу как основную добродетель.
3. Социальная униженность трансформируется в создание социальных связей: Мышонок из «Груффало» не просто выживает, он завоевывает уважение хищников леса через воображаемый, а затем и реальный диалог с большим и ужасным зверем. Человеткин, пройдя путь изгоя, в финале становится героем, спасшим Рождество. Таким образом, сказочные миры Дональдсон часто деиерархизированы: большие и сильные звери не являются безусловными авторитетами. Наблюдается инверсия социальных ролей, где малый и слабый оказываются спасателями больших и сильных.

В более широком контексте творчество Дональдсон представляет собой пример того, как детская литература становится пространством философской рефлексии, переводя сложные вопросы (уязвимость, страх, одиночество) в игровую, ритмически организованную форму, доступную детскому восприятию. Проведенное исследование подтверждает гипотезу о системной деконструкции архетипа «маленького» человека и его замену на модель активной субъектности.

Настоящее исследование ограничено шестью сказками одного автора, что открывает перспективы для дальнейшего расширения материала: репрезентативный анализ всего корпуса сказок.

Дональдсон, сопоставительное изучение переводов на русский язык в аспекте сохранения/утраты языковых механизмов субъектности, а также компаративный анализ с другими авторами современной детской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сковрцов А. Э. Особенности стиля и жанра переводной детской поэзии М. Я. Бородинской / А. Э. Сковрцов, А. А. Давлетшина. — DOI 10.26907/2782-4756-2023-74-4-181-186 // Филология и культура. — 2023. — № 4(74). — С.181–186. — EDN WBBYEI. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=57143827> (дата обращения 21.06.2026).
2. Хаит Е. И. Жанровые процессы в англоязычной детской литературе / Е. И. Хаит // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014. — Т. 16, № 2(4). — С. 974–976. — EDN RECZZZ — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22651408> (дата обращения 21.06.2026).
3. Wheatley M. What a Performance: The Lively Work of Julia Donaldson / M. Wheatley. — DOI: 10.1353/bkb.2012.0093 // Bookbird: A Journal of International Children's Literature. — 2012. — Vol. 50(3). — Pp. 72–74. — URL: https://www.researchgate.net/publication/236724712_What_a_Performance_The_Lively_Work_of_Julia_Donaldson (дата обращения 21.06.2026).
4. Савочкина Е. В. Как одно слово сделало Джулию Дональдсон популярной в России / Е. В. Савочкина // Поливановские чтения. — 2024. — № 18. — С. 212–216. — EDN PACNYO. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80341325> (дата обращения 21.06.2026).
5. Arzik-Erzurumlu O. From Tostoraman to Yayazula: Aural Journey of the Gruffalo in Turkish / O. Arzik-Erzurumlu. — DOI: 10.37599/ceviri.988154 // Journal of Translation Studies. — 2021. — Vol.31. — Pp. 70–90. — URL: https://www.researchgate.net/publication/357448769_Tostoraman'dan_Yayazula'ya_Gruffalo'nun_Turkcedeki_Sessel_Yolculugu_From_Tostoraman_to_Yayazula_Aural_Journey_of_the_Gruffalo_in_Turkish_Ozum_ARZIK-ERZURUMLU (дата обращения 22.06.2026).
6. Vardar-Okur, A. When Julia Donaldson was in Turkish / A. Vardar-Okur // RumeliDE Journal of Language and Literature Studies. — 2018. — Is. 4. — Pp. 274–285. — URL: <https://www.rumelide.com/file/download/1825077359/2018-o4-24--vardar-okur--a--julia-donaldson-turkcedeyken-when-julia-donaldson-was-in-turkish.pdf> (дата обращения 21.06.2026).
7. Duckworth, M. Agency and multispecies communities in picture books: the Snail and the Whale and The Secret of Black Rock / M. Duckworth. — DOI 10.1215/22011919-9481495 // Environmental Humanities. — 2022. — Vol. 14(1). — Pp. 162–181. — URL: https://www.researchgate.net/publication/358934941_Agency_and_Multispecies_Communities_in_Picture_Books (дата обращения 21.06.2026).
8. Ожиганова Г. В. Субъектность как основа проявления духовных способностей / Г. В. Ожиганова. — DOI 10.34216/2073-1426-2021-27-3-49-57 // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2021. — Т. 27, № 3. — С. 49–57. — EDN ZGMSHO. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47271112> (дата обращения 21.06.2026).
9. Stephens J. Language and Ideology in Children's Fiction / J. Stephens. — DOI 10.2307/416784. — London: Longman, 1992. — 308 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/255961219_Language_and_Ideology_in_Childrens_Fiction (дата обращения 21.06.2026).

10. Ryan, M., Khosronejad M. Examining authorial agency in elementary children's narratives / M. Ryan, M. Khosronejad. — DOI 10.1080/19463014.2024.2360417 // Classroom discourse. — 2025. — Vol. 16(1). — Pp. 52–67. — URL: https://www.researchgate.net/publication/382206666_Examining_authorial_agency_in_elementary_children's_narratives (дата обращения 21.06.2026).
11. Крылова Э. А. Маркеры субъектности в детской литературе Советской России 1920-х гг. / Э. А. Крылова. — DOI 10.22405/2949-1061-2025-1-12-18 // Ученичество. — 2025. — Вып. 1. — С. 12–18. — EDN OGWPPZ. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47271112> (дата обращения 21.06.2026).
12. Donaldson, J. The Gruffalo / J. Donaldson. — London: Macmillan Children's Books, 2009. — 25 p. — URL: https://archive.org/details/gruffalo0000dona_e7j1/page/n1/mode/2up (дата обращения 02.07.2026).
13. Donaldson, J. The Snail and the Whale / J. Donaldson. — London: Macmillan Children's Books, 2003. — 35 p. — URL: <https://archive.org/details/snailwhale0000dona> (дата обращения 21.06.2026).
14. Donaldson, J. Tiddler. The story-telling fish / J. Donaldson. — London: Alison Green Books, 2012. — 32 p. — URL: <https://ru.scribd.com/document/486768938/Tiddler-Julia-Donaldson-pdf> (дата обращения 21.01.2026).
15. Donaldson, J. The Gruffalo's Child / J. Donaldson. — London: Macmillan Children's Books, 2014. — 31 p. — URL: <https://archive.org/details/gruffalogruffalo0000dona/mode/2up> (дата обращения 02.07.2026).
16. Donaldson, J. Stick Man / J. Donaldson. — London: Alison Green Books, 2008. — 36 p. — URL: <https://ru.scribd.com/document/439279401/Stick-Man-Donaldson-Julia-pdf> (дата обращения 02.07.2026).
17. Donaldson, J. Paper Dolls / J. Donaldson. — London: Macmillan Children's Books, 2012. — 37 p. — URL: https://archive.org/details/paperdolls0000dona_o5p2 (дата обращения 21.06.2026).

Vlasicheva Victoria Valeryevna

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Kazan, Russia

E-mail: intloffice@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8045-3170>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=624010

Strategies of subjectivity of the «little» hero in Julia Donaldson's fairy tales

Abstract. The article examines the reinterpretation of the archetype of the «little man» in contemporary British children's literature based on the fairy tales of Julia Donaldson. The aim of the study is to identify and classify the strategies of representing the subjectivity of the protagonists in six of the author's popular works: (The Gruffalo, The Gruffalo's Child, The Snail and the Whale, Stick Man, Paper Dolls, and Tiddler). The theoretical framework of the research is based on Russian and international concepts of subjectivity. The methods include content analysis of plot structures, typological classification, linguostylistic analysis, and synthesis. Based on the criteria of activity, autonomy, and interaction with other characters, three basic types of subjectivity are identified: autonomous, cooperative, and collective, as well as transitional forms combining features of several types.

The findings demonstrate that Donaldson's characters overcome obstacles by means of intelligence, verbal agency, imagination, solidarity, and the capacity for cooperation. The study reveals that subjectivity is constructed not only at the plot level but also through linguistic means at different levels (phonetic-rhythmic, lexical-semantic, and pragmatic). It is stated that J. Donaldson transforms the traditional archetype of the «little man»: passivity, social dependence, and vulnerability are changed to agency, communicative activity, and the ability to establish social connections. Physical smallness in Donaldson's fairy tales is interpreted not as a deficiency but as a resource for action and a condition for the realization of subjectivity. The results contribute to the study of the philosophical potential of contemporary children's literature and the reception of classical literary archetypes in postmodern culture.

Keywords: British literature; children's literature; Julia Donaldson; «little man»; archetype; subjectivity; narrative strategies